

Глава XXII

НОВАЯ ИСТИНА

Широкий бетонный забор опоясал загадочный город и превратил Новый Рим в фантастическую крепость. В небе одиноко кружил черный ворон, взмывая все выше и выше к серым безжизненным облакам до тех пор, пока не исчез в них. Птицы теперь были редкостью. На толстых, неприступных стенах высотой почти в десять метров патрулировали вооруженные люди. На смотровых вышках, усиленных пулеметными точками и прожекторами, расположились снайперы. У основания укрепления почва вздыблена и разворочена, будто эти каменные блоки вылезли из-под земли в одночасье. Серое похожее на плесень вещество расползлось по грунту в разные стороны, уходя далеко за горизонт. Эта субстанция напоминала некую болезнь. Там, где она покрывала почву, ничего не росло.

Колонна автомобилей проследовала по безжизненной земле, в которую по правую и левую сторону были вбиты таблички с надписью «мины». Перед городской стеной полуразложившийся труп запутался и повис на колючей проволоке бесформенной тряпкой. Подъехали к высоким металлическим воротам, над которыми развивался черный флаг с золотым орлом на серебряном черепе, остановились. Сверху солдат в шлеме с непрозрачным стеклом поднял руку. Ворота с грохотом дернулись, бурый изъеденный коррозией металл с адским шумом и скрежетом подался в разные стороны. Огромные шестерни скрипели и визжали, издавая страшные пугающие звуки. Впереди змейкой лежали бетонные блоки. Далее расположилась огневая точка. Человек двадцать хорошо экипированных солдат в черной униформе и шлемах вскинули правые руки вверх в знак приветствия генерала. Луций стоял прямо и лишь склонил голову. Катя крутилась по сторонам, пытаясь понять, куда ее привезли.

Кругом одни вооруженные люди. Дорога, извиваясь, уходила вглубь, туда, где виднелись высотные дома и заводы, черные пашни и живая земля. В поле техника, рядом с которой суетились рабочие в серых балахонах. Пасущиеся коровы, свинья в огромной луже, вокруг нее с десятков мелких поросят. Сердце у девчонки бешено застучало. Все это Катя видела только в книгах и слышала в рассказах Виктора. Это был другой мир. Марс говорил ей, что почти все животные были уничтожены людьми. А здесь? Здесь были

целые стада. Люди ходили вместе, не боясь друг друга. Тут и там кипела жизнь, такая непривычная для Кати.

Они проехали поля и остановились у очередного блокпоста на въезде в городские кварталы. Вновь приветствие охраны и снова движение вперед. Утопия, другое измерение, от которого у Кати побежали мурашки по коже. Здесь люди просто жили, а за стеной приходилось выживать. Люди в разноцветных одеждах, похожих на монашеские балахоны, ходили туда-сюда, стояли за прилавками с едой, на которую никто не кидался и за которую никто не рвал другому горло, а просто проходил мимо. Маленький мирок на огромной пропавшей Земле.

– Как же это? – она повернулась к Шону с широко раскрытыми глазами. Самурай лишь слегка улыбнулся.

– Это Новый Рим. Новая цивилизация. И со временем все станут жить так же.

– Но ведь там... – она обернулась туда, откуда приехала колонна, туда, где она прожила всю свою сознательную жизнь, туда, где люди ели друг друга, убивали из-за одежды или просто так, просто потому что боялись.

– Там то, что я скоро изменю! – резко ответил Луций, не взглянув на девочку.

Тем временем они подъехали к центру города. Вновь огромный забор, теперь из гладкого булыжника. Полуовальные ворота в кирпичной кладке между двух возвышающихся башен. Перед постом охраны колонна остановилась.

– Приехали, – оборачиваясь к Кате, произнес Луций.

Его лицо стало совсем бледным, а кожа прозрачной, взгляд мутный. Он грубо взял девочку за руку, подтащил к краю кузова и пихнул ее вперед так, что та чуть не свалилась вниз кубарем, но, зацепившись за борт, кое-как устояла и спрыгнула.

– Шон!

– Да, генерал! – самурай вскочил с места.

– Девчонку отведи в подвал и запри.

– Да, – он спрыгнул с борта и подтолкнул Катю вперед. – Пошли.

– Сергей!

– Да, генерал! – офицер поднялся.

– Всем, кто участвовал в операции, дать отдых. Раненым двойной паек.

И подготовь легион к моему прибытию. Я хочу взглянуть на своих солдат.

Сергей покорно склонил голову. Луций соскочил на землю и последовал за Шоном и Катей, отставая от них шагов на двадцать. Прошли пост охраны. Крепкие, вооруженные до зубов ребята, все словно на подбор, в камуфляже, на лице маски. Катя успела насчитать одиннадцать. У всех на правом рукаве чуть ниже плеча нашивка с перевернутой красной звездой в огненном племени. Гвардейцы Александра, охраняющие его неприступную цитадель.

Луций не спеша шел по вымощенной плиткой дорожке. Античные статуи, посеревшие от времени и непогоды, стояли по обеим сторонам и

смотрели на проходящих мертвыми глазами. Сухие деревья и некогда живая изгородь были аккуратно пострижены и исчезали за поворотом. Внимание генерала привлек фонтан. Когда-то из него текла вода, теперь он был покрыт пылью, в большой чаше зеленела мутная субстанция. Жизнь начала покидать даже это место. На клумбах вяли поникшие цветы. Садовники все еще пытались привести их в чувства, но это был всего лишь сизифов труд.

Генерал испытывал жуткое недомогание. Так случалось с ним постоянно, когда он долго находился вне стен Нового Рима. В голову лез кто-то совсем ему ненужный. Проклятые голоса, советы и воспоминания. Как это все осточертело. Он дернул шеей и озлобленно оскалился. Поскорей бы увидеть ее. С ней ему становилось лучше, голоса исчезали. Луций остановился у огромного холма метров пятнадцать в высоту. Насыпь располагалась ровно посередине парка. На вершине возвышенности стоял небольшой храм, купола которого были когда-то окрашены в кроваво-красный цвет. Теперь краска облупилась и вспучилась. Перевернутые кресты мрачно реяли в сером небе: мертвые знамена мертвого мира. Потускневшие обшарпанные стены с затертыми символами. Мраморная лестница поднималась вверх и упиралась в деревянную дверь. Луций и не понял, как дошел до этого места. Ему осталось подняться по лестнице и погрузиться в мрачные тоннели. Там в чреве земли сидел Александр, там ждала его Татьяна, хотя сейчас он бы больше хотел видеть ее наверху. Он подошел к лестнице, с трудом и невероятным усилием поднял ногу и опустил ее на мраморную ступень, словно старик ухватился за холодные перила отполированного мрамора и замер, посмотрел на лестницу, будто на своего противника, будто на адское испытание, которое он должен будет выдержать, прежде чем увидеть ее. Первые шаги давались хоть и сложно, но все же терпимо. К середине он опустился на колени и передвигался хрипя. В дверь храма он уже вползал. В глазах все помутнело. Он сдерживал боль только одним желанием увидеть ее. Внутри храма винтовая лестница уходила под землю, а стены и потолок были выложены черепами. Из последних сил Луций перевернулся на спину. Взгляд устремился к темному своду, выглядевшему словно тоннель, и ни какого света в его конце. Что это? Смерть? Генерал тяжело выдохнул с хрипотой в легких. Он ненавидел этот момент возвращения. Тело будто провалилось в каменный пол и ему казалось, что он смотрит на потолок из глубокой ямы. Послышался топот ног по железной винтовой лестнице, а он все глубже проваливался в темноту могилы. Он видел мальчика в короткой римской тоге, мчащегося с собакой по зеленому лугу, залитому ярким солнцем. Мальчишка резко обернулся и увидел всадника в тяжелых рыцарских доспехах, который мчался, подминая под копыта врагов, рубя их на полном скаку, черный плащ с красно-алым крестом развивался на ветру. От удара вражеского копья передние ноги лошади подкосились и воин слетел кубарем через голову скакуна. Мгновение, вспышка, боль пронзила тело. Молодой человек, сидя за столом, медленно тянул в себя сигаретный дым. Перед ним на столе лежала папка с надписью «Дело 666». Дверь внезапно открылась. В проходе стоял человек,

облокотившись о дверной проем. Лицо скрывал капюшон, кожаная куртка расстегнута нараспашку, в руке он сжимал окровавленный молоток. Все потемнело, стало холодно. Жутко холодно.

– Давай хватай его! Тащим вниз!

– Нужно остановить кровь! С него словно со свиньи льет. Опять раны открылись!

– Давай тащи. Помрет, нам тогда хана!

– С каждым разом все хуже и хуже.

– Не ной. Наше дело его встретить да вниз отнести. Знаешь же, что Александр не может покидать подземелье.

Четверо крепких парней пронесли истекающее кровью тело по темным коридорам подземелья, вышибли дверь и уложили Луция на кушетку, пристегнули руки и ноги.

– Беги к Александру за Татьяной! Живо!

Белокурая девушка, подстриженная под каре, в обтягивающей кожаной одежде с красным шарфом на шее подошла к мраморному столу, на котором горел с десяток толстых свечей. Ее указательный пальчик проскользил по гладкой поверхности, пока не наткнулся на чашу с вином. Нежная белая ручка поднесла столовое серебро к алым губам, прикрывая небесного цвета глаза. С противоположной стороны стола раздался кашель. Девушка отставила чашу и обернулась на звук. На дубовом троне сидел Александр, опираясь рукой на конский череп, который заменял подлокотник. Другой рукой, на которой не хватало двух пальцев, он прикрывал окровавленным платком рот. Он откашлялся еще раз и выпрямился на столько, насколько ему позволяло здоровье. Серые редкие волосы, изуродованное лицо и сгорбившаяся осанка, вот все что осталось от когда-то могущественного чернокнижника и учителя истинной веры.

– Долбаная ведьма! А ведь раньше я считал тебя ангельским творением, – он сплюнул сгусток крови, перемешанный со слюной, растер ногой о черный отшлифованный гранит и протер губы платком.

– Правда? Ха. Знаешь, я раньше тоже считала тебя великим учителем. Бог, дьявол? Как ты там говорил? Истинная вера только та, которую дают Огненные братья? Тогда я почти тебе поверила, – она мило улыбнулась, подошла к нему ближе, села на кресло и закинула ноги на стол, сцепляя свои пальчики на затылке и устремляя свой взгляд в потолок. – Все течет, все меняется.

– Уже забыла про свою семью, дочь священника? – Александр усмехнулся. – Интересно что бы сказал твой отец, узнав, во что ты превратилась? Я даже представить себе боюсь, что ты сотворила с тем несчастным... Как его?

– Виктор, – она снова отпила вино с еле заметной улыбкой.

– Виктор. Бедный-бедный Виктор. Сколько времени тебе потребовалось, чтобы добраться до него?

– Я умею ждать, – ставя на стол чашу, спокойно ответила Татьяна. – Я знала, что Михаил не будет рядом вечно. Этот преданный пес оберегал их лишь до того, пока его хозяин не оставил свои любимые игрушки.

– Нашего хозяина сейчас тоже нет рядом!

– А разве в аду должен быть хозяин?

– Не могу понять одного, почему я должен страдать, а ты ублажать его?

– Потому что жизнь порой бывает несправедлива, мой великий учитель. Если я потеряю свою привлекательность, с тобой уж он точно спать не ляжет. Быть может, ты хочешь с ним нянчиться? Или ты забыл, что я его Мария.

– Мерзкая подстилка! Вот кто ты! – он снова раскашлялся. – Если он не сделает то, что должен, я сам придушу тебя!

– Человеку свойственно мечтать. А человеку, прожившему столько тысячелетий, мечтать еще и полезно. Мерзкий ничтожный калека. Ты ведь теперь существуешь только для того, чтобы поддерживать меня и его. Боги ушли, их больше нет, и они не будут вмешиваться в то, что происходит. Нам лишь нужно делать то, что нам приказали, то, для чего нас создали, то, что мы приняли, то, во что мы верим. Ты, между прочим, можешь больше не бояться Анатаса. Теперь он всего лишь призрак. Как и его брат. Теперь мы стали властью на этой планете. Мы боги. Хотя и на короткое время. По мне лучше один раз напиться крови, чем всю жизнь питаться падалью. Слишком долго нас загоняли в тень? Тебе так не кажется?

– Заткнись! Вырвать бы тебе твой мерзкий язык! – он попытался подняться, но, затрещав всем телом, опустился на свое место.

– Что такое, великий учитель Александр? Вы ослабели? Смирись уже с тем, что ты просто сосуд, который питает меня и Луция. И когда мы выпьем твою жизнь до дна, – она отпустила в его сторону воздушный поцелуй, – *ourevoir*, красавчик. Знаешь, возможно, мы станем с ним новыми Адамом и Евой. Как думаешь? Может, для этого мы нужны были нашему повелителю? Создать новых людей, новый мир, только теперь по замыслу Анатаса?

– Когда я сдохну, сдохнет и весь мир! Я не боюсь смерти, я всегда останусь верным ему!

– Как и все кто встал на его сторону, мой милый Александр, как и все. Мир же должен быть наказан за то, что сделал с нами, не так ли? – она мило улыбнулась.

– Ах ты хитрая, лживая стерва! Мягко стелешь. Каким же ты стала чудовищем! Ты ведь затеяла свою игру, не так ли?! Хочешь возродить мир, после того, как Луций разрушит его до основания? Хочешь быть богом, Татьяна? – закашлявшись, промолвил он, вытер губы и провел по волосам рукой, чтобы убрать пряди свисающие со лба.

– Богом? А почему бы и нет? Что такое, малыш? Что-то не так? Твое тело гниет заживо. После того, как ты совсем разложишься, у меня будет еще много времени.

– Глупая девка! Ты затеяла то, чего тебе не реализовать. Никогда, – он вытянул вперед обезображенную руку, держа в трех перстах клок волос. Александр застыл и уставился на дверь помутневшим глазом.

– Что-то случилось?

– Тринадцатый. Он здесь. Силы покидают его. Тебе нужно спешить.

– Почему ты не почувствовал его приближения?

– Я слабею. С каждым разом все больше. Его нельзя выпускать на долго из храма. Он уже давно должен был убить Мессию.

– Знаешь, этот Мессия не тот, что был раньше. Как видишь, его приходится искать, носясь за ним по всему миру. Он что-то не очень хочет принести себя в жертву во спасение людей.

– Спасение? Смешно звучит. Интересно будет посмотреть, что случится, если приколотить этого спасителя к кресту.

– Если он осознает свою силу, как бы он нас не приколотил.

– Тринадцатый не проигрывает!

– Тринадцатый сам себе на уме и ты это знаешь не хуже меня. В нем такой гремучий коктейль смешался за время перерождений, что малейшая искра может привести к необратимым последствиям. Главное чтобы, он не понял того, что мы его водим за нос.

– А это уже твоя проблема, Татьяна. Так что лети к нему и снова прикинься белой и пушистой и будь для него его Марией. Ибо если он все поймет, тебе не сдобровать, – Александр растянул рот в безобразной беззубой улыбке.

– Тогда ад наступит для нас гораздо раньше, чем хотелось бы, – она поправила шарф на шее и кошачьей походкой направилась к выходу. В этот момент раздался стук. В проеме дверей стоял запыхавшийся человек.

– Госпожа, генерал, он...

– Знаю, знаю. Нужно спешить. Пойдем.

Вязкая кровь медленно вытекала из-под металлических наручей, спускалась по пальцам, капала на пол, где уже образовалась небольшая лужа.

– Госпожа, – стражники склонили голову, когда в помещение вошла Татьяна.

– Вы его привязали?

– Да, госпожа. Все как обычно.

– Хорошо. Оставьте нас одних.

Татьяна зашла со стороны головы, осматривая бледно-серое постаревшее лицо генерала. Кожа, словно пергамент, глаза ввалились, в приоткрытых веках мутные пожелтевшие белки. Она аккуратно прикоснулась к его лицу руками, прикрыла глаза и глубоко вдохнула.

Прохладный воздух ворвался в открытое окно, темно-синяя занавеска сорвалась, поднялась от напора воздуха и плавно опустилась на место. Жаркий полдень. И откуда в этой духоте ветер? Мужчина поднялся с кресла, отложил книгу и подошел к открытому окну, откуда доносились веселые крики ребятни. Рука отодвинула штору в сторону, жара ударила по телу. Маленький мальчик бегал по траве. По дороге проехал автомобиль.

Мужчина на секунду отвлекся, а когда его взгляд вернулся обратно, то обнаружил рядом с мальчишкой человека в длинной белоснежной тунике. Тот гладил мальчика по голове и одобрительно кивал.

– Ты не такой уж плохой человек, Луций, – голос шел откуда-то извне, и мужчина поднял голову кверху. Солнце ослепило глаза. – Ты не такой уж плохой... Плохой...

Генерал вздрогнул так, что затрещали оковы. Глаза открылись, обрели ясность. Кожа поменялась. Кровь, текшая по руке, направилась вспять. Он закричал в зверином оскале и рванулся с места.

– Тише, тише, – Татьяна припала к нему, глядя по голове. – Тише. Это я. Все хорошо. Хорошо. Ты дома. Мы снова вместе. Я так скучала, – ее губы коснулись его лба.

– Это ты, – Луций с трудом проглотил слюну. – Я так скучал.

– Снова кошмары?

– Я так рад тебя видеть.

– Я тоже, – она припала к его губам.

– Я снова был без памяти?

– Снова, – Татьяна провела рукой по его волосам. – Теперь все хорошо. Сейчас я тебя развяжу, и ты мне все расскажешь, что там случилось. Хорошо? – она снова поцеловала его.

– Хорошо, – кончики губ Луция слегка дернулись, приобретая подобие улыбки.